

Переводить — значит понимать (к выходу нового русского перевода диалога Платона «Софист»)

Рецензия на книгу: Платон. Софист / Исследование, перевод, комментарий, приложения И. А. Протопоповой.
СПб. : Платоновское философское общество, 2019. 261 с.

Сегодня на полках любого крупного книжного магазина можно увидеть различные издания диалогов Платона: Платона не только читают, скачивая его тексты с различных сайтов, но и покупают, чтобы всегда иметь возможность обратиться к древнегреческому классику. Однако неискушенные читатели порой и не догадываются, что в современной обложке они читают «Государство» Платона (пожалуй, самый тиражируемый диалог Платона) в переводе Василия Николаевича Карпова (1798–1867), выполненного им в далеком 1863 г.¹ Во многом именно язык переводчика, язык середины XIX века, делающий мысли Платона практически недоступными для современного молодого читателя, разочаровывает студентов.

Однако все же базовым стандартным русским текстом Платона безусловно стало и до сих пор таковым является трехтомное (точнее четырехтомное, ибо третий том был издан в двух частях) издание платоновского корпуса под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса 1968–1972 гг.² Публикация трудов Платона в серии «Философское наследие» означала для советского времени высшее качество подготовки текстов. Несмотря на то, что Платон был представлен отечественному читателю пятнадцатью переводчиками, ни один из них не получил собственного слова ни о стратегии перевода, ни о концепции переведенного диалога, ни о понимании платоновского творчества. Все переводчики, независимо от своего статуса и мастерства, оказались в тени главного отечественного читателя и толкователя Платона — Алексея Фе-

1. Платон. Государство. СПб. : Азбука, 2015 (Азбука-Классика. Non-Fiction).

2. Платон. Сочинения : В 3 т. : [Пер. с древнегреч.] / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1968–1972.

доровича Лосева. Первый том открывала его обширная концептуальная статья «Жизненный и творческий путь Платона», Лосев же был и автором вводных статей к диалогам Платона, он реконструировал их структуру и разъяснял содержание, совсем не затрагивая проблем перевода, словно Платон сам писал по-русски. При этом А. Ф. Лосев хорошо понимал историчность своего Платона, ибо, как он писал в «Очерках античного символизма и мифологии», «Платонов столько же, сколько было философских эпох и сколько было философских систем и интуиций»³. Философские взгляды и интуиции переводчиков в данном случае во внимание не принимались.

Несмотря на переиздание в 1990–1994 гг. ставшего каноническим собрания сочинений Платона, этап советского платоноведения к концу XX в. завершается. Переоценка мировоззренческих ориентиров приводит не только к переоценке философии Платона, но и к смене историко-философских стратегий и исследовательских практик. Первое десятилетие XXI в. можно считать периодом формирования в России новой исследовательской парадигмы изучения и толкования Платона и платоновского корпуса, предполагающей активное освоение зарубежного опыта и способствующей созданию в России экспертного сообщества в области исследования Платона и платоновской традиции.

Закономерным следствием своеобразного платоноведческого ренессанса первого десятилетия нынешнего века стала организованная в рамках деятельности межрегиональной организации «Платоновское философское общество» работа над новыми переводами текстов Платона. Задача состояла не в косметическом подновлении уже сделанных переводов, а в разработке новых методологических подходов к великим текстам Платона. Принципиальное отличие серии «Наследие Платона» (к настоящему времени в серии изданы четыре диалога Платона — «Парменид» в переводе Ю. А. Шичалина (2016), «Федр» в переводе А. А. Глухова (2017); в 2019 г. изданы «Политик» в переводе Р. В. Светлова и «Софист» в переводе И. А. Протопоповой) от классического советского образца — это предоставление слова переводчику. Именно переводчик того или иного диалога признается главным толкователем Платона. Наряду со стратегией перевода он предлагает свое понимание философии Платона,

3. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. С. 684.

полагая, что только в этом случае возможен перевод, адекватный замыслу автора.

Именно такая стратегия была выбрана Ириной Александровной Протопоповой, нашедшей в себе смелость взяться за такой сложный и многогранный диалог, как «Софист». Структура книги в полной мере отражает замысел: собственно переводу предшествует объемное введение, в котором раскрывается авторский подход к диалогу и творчеству Платона в целом, дается общая трактовка «Софиста» и представляется развернутый план диалога (с. 7–31); затем следует интерпретация диалога (с. 32–92) и только после этого читателю предлагается перевод платоновского текста. В этом случае перевод выступает закономерным следствием предпринятого исследования, являясь одновременно и доказательством эффективности избранной автором стратегии, и иллюстрацией правильности истолкования творчества Платона в целом. Подробные комментарии практически к каждому значимому фрагменту текста, расширяя контекст, становятся материалом, дополняющим аргументацию в пользу авторской интерпретации. Этой же цели служат две статьи И. А. Протопоповой, помещенные в раздел «Приложения». Наибольшую ценность для понимания стратегии перевода наиболее сложных и значимых в философском смысле частей диалога представляет первая статья, посвященная исследованию философской терминологии Платона («ὄντῶν: сущее и/или сущность (“бытийные термины” в диалоге “Софист”»)). Полагая, что «анти-терминологичность» Платона является его сознательным выбором (с. 246), Протопопова на примере «бытийных терминов» «Софиста» показывает, как работает стратегия Платона.

За прошедшее двадцатилетие все более популярным в платоноведении становится так называемый драматический подход, рассматривающий тексты Платона прежде всего как произведения искусства, а, значит, уделяющий особое внимание характерам участников диалогов и обстоятельствам их бесед⁴. В отечественном платоноведении наиболее последовательным сторонником драматического подхода выступает И. А. Протопопова; используя его в своих исследованиях, она не просто сле-

4. О современных тенденциях в западном платоноведении и особенностях драматического подхода см.: Пресс Д. А. Альтернативный Платон // Платоновские исследования. 2015. Т. 2. Вып. 3. С. 48–64; особ. с. 52–62.

дует за западными коллегами, но в своих исследованиях углубляет «драматическую» методологию, формулируя принципы этого метода. В ее интерпретации можно говорить о четырех основных положениях драматического подхода: 1) внимание к литературной форме диалога Платона, обстоятельствам беседы и характерам ее участников; 2) изоморфизм формы и содержания диалога; 3) перформативность высказывания, когда акт высказывания реализует собственное содержание; 4) фронтонная композиция диалога. Последний принцип представляется в определенной степени частным случаем утверждаемого изоморфизма, ибо понимается как единство содержательной структуры сущего, определенной делением вертикальной Линии из «Государства» (R. 510–511), и формальной организации текста диалога.

Такой подход позволил представить «Софист» на фоне «Парменида» и «Теэтета», раскрыв содержательное единство трех диалогов, закрепленное единством их драматической формы. Наиболее значимым для реконструкции внутренней логики «Софиста» можно считать выявленную в ходе исследования и подтверждаемую в рамках представленного перевода фронтонную композицию диалога, сходную с композицией таких диалогов Платона, как «Пир», «Федр», «Государство». По мнению исследовательницы, в каждом из этих диалогов реализуется трехступенчатая логика движения, образующая своеобразный треугольник: начало движения — это пребывание в чувственном мире подобий; вершина — достижение области ноэтического; а затем «спуск» в чувственный мир с удержанием полученного знания. Фронтонная композиция «Софиста» — это полный цикл диалектического рассмотрения: от многого — к единому, а затем от единого — к многому. Представленная в издании детальная интерпретация диалога шаг за шагом демонстрирует, как основное философское содержание диалога отражается в его структуре и драматической форме, наполняя саму драматическую форму философским содержанием.

Проделанное исследование позволяет обосновать высокую оценку диалога, работа над которым привела Платона к выработке нового метода — метода «ноэтической диалектики», направленного против догматизма абстрактной метафизики, гипостазирующей отдельные сущности, как это делают «друзья идей», и не допускающей противоречия. Ноэтическая диалектика предполагает, что так называемая теория идей выступает

в «Софисте» в виде рассмотрения взаимоотношения эйдосов между собой, в результате чего появляется концепция взаимодействия «пяти великих родов», образующих нераздельное, но различаемое единство, в терминологии И. А. Протопоповой, — «умопостигаемый атом».

Новая интерпретация философского смысла диалога обусловила и особенности перевода греческого текста, существенно отличающегося от ставшего привычным перевода Степана Андреевича Ананьина (1875–1942), опубликованного в 1970 г. с некоторыми изменениями во втором томе «лосевского» издания платоновского корпуса. Перевод «Софиста» был выполнен Ананьиным в 1907 г. во многом по инициативе и под влиянием профессора Киевского университета А. Н. Гилярова⁵. По признанию самого Ананьина, именно спецкурс Гилярова, посвященный Платону, вдохновил его на изучение философии греческого мыслителя. Свой перевод Ананьин сопроводил объемным историко-литературным введением, в котором представил свое понимание содержания диалога, его структуры и значения. В отличие от Ирины Протопоповой Ананьин увидел «почти полное отсутствие у Платона установившейся терминологии, сбивчивое употребление терминов уже выработанных, постоянное применение категорий онтологии там, где дело касается гносеологии». По мнению С. А. Ананьина, объяснить это можно было только одним: сам Платон еще не достиг «безусловной ясности» собственных воззрений⁶. Оценивая диалог в целом как «отвлеченный до крайних пределов, не блещущий живостью и яркостью изложения, сухой, лишенный драматизма, с тяжелым языком, как никакое другое произведение Платона»⁷, Ананьин видел свою задачу как переводчика сделать перевод как только возможно близким к подлиннику, чтобы «выиграть в точности».

Однако возможна ли «точность» перевода без понимания переводимого текста? И что делать, если прочтения диалога оказываются диаметрально противоположными? Один ответ кажется совершенно очевидным: надо читать Платона, обсуждать пере-

5. Софист : Диалог Платона : Пер. с греч. с ист.-лит. введ. и замечаниями к диалогу / Пер. и введ. С. А. Ананьина. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1907. 202 с.

6. Там же. С. 75.

7. Там же. С. 74.

воды его текстов, предлагать новые. В этом отношении предпринятое Ириной Протопоповой исследование и выполненный ею комментированный перевод платоновского диалога «Софист» обладает безусловной ценностью, позволяя по-новому взглянуть не только на один из самых сложных диалогов в наследии Платона, но и на философское творчество Платона в целом.

*И. Н. Мочалова,
канд. филос. наук, доцент*